

ГРАФИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ПЕЧАТНОМ ТЕКСТЕ

Е.М. Хакимова

GRAPHIC NORMS IN PRINTED TEXT

E.M. Khakimova

Рассматриваются языковые нормы, определяющие способы графического оформления печатных текстов. Автор выделяет и описывает виды каллиграфических норм, доказывая, что их назначение состоит прежде всего в регламентации соотносительности графических знаков жёсткой системы печатного языка.

Ключевые слова: ортология, графические нормы, письменный язык, печатный язык, нормы каллиграфии, нормы каллиграфии, жёсткие и дискретные системы.

Printed language is regarded as a separated linguistic structure which is the subject of special orthological order, i. e. callitypia. Different types of callitypical norms are distinguished and described in this article. It is brought to notion that in printed language the systematical correlation of signs is standardized, and it contributes to the accuracy of printed language in comparison with its spoken and written varieties.

Keywords: orthology, graphic norms, written language, printed language, calligraphy rules, callitypical norms, rigid and discrete systems.

Графическими являются нормы, определяющие написание букв независимо от написания тех или других слов языка, а также способы графического оформления рукописных и печатных текстов. В данном определении получил отражение тот факт, что ортологические образования на уровне графики неоднородны. Они представлены несколькими разновидностями, которые можно назвать 1) общими графическими правилами, 2) каллиграфическими нормами и 3) нормами печатного текста. Двум первым ортологическим типам посвящен ряд серьезных научных исследований¹, тогда как третий тип изучен совершенно недостаточно. Поэтому целью нашей работы является изучение языковых норм, регламентирующих графическое оформление печатных текстов, то есть норм каллиграфии².

Й. Вахек, в работе которого поставлена проблема отношения письменного и печатного языков, отмечает, что обе лингвистические структуры обязаны своим происхождением экстралингвистическим факторам: письменный язык возник в результате стремления зафиксировать и сохранить в целях документирования определенные отрезки звуковой речи оптическими средствами; появление печатного языка вызвано постоянно растущей потребностью в тиражировании индивидуальных письменных высказываний. В первое время после своего возникновения письменные и печатные образования едва ли представляли собой нечто большее, чем проекции

иных лингвистических структур, однако вскоре они обрели относительную автономность. Этот факт Й. Вахек, учитывая идеи К. Бюлера³, связывает с особенностями реализации языковых функций: экспрессивной, или функции выражения (Kundgabe); апеллятивной, или функции обращения (Appell); репрезентативной, или функции сообщения (Darstellung). По мысли Й. Вахека, две последние функции могут реализоваться при помощи основных средств как письменных, так и печатных высказываний, хотя «оба типа высказываний, разумеется, обладают более ограниченным по сравнению с устными высказываниями запасом основных средств, относящихся к функциональному аспекту общения»⁴.

Последнее утверждение, на наш взгляд, не может быть принято без доказательств. Мы полагаем, что «запас» средств в письменном и печатном языках является не более ограниченным, чем в устном, а просто качественно иным, что обусловлено наличием у человека, помимо аудиальной, визуальной системы восприятия. Исходя из значимости письма в современной жизни, психологи считают возможным говорить об особом письменном сознании людей, не ставшем до сих пор объектом специального изучения. Сам Й. Вахек указывает, что давно отмечено существование оптико-графического типа коммуникантов, владеющих с большей степенью совершенства именно письменной нормой. Лингвисты почти не

Хакимова Елена Мухамедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовой коммуникации, ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ» (г. Челябинск). E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Elena M. Khakimova, Candidate of Philology, assistant professor, Department of Mass Communication, South Ural State University. E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

занимались этим важным и интересным вопросом. Работа в данном направлении позволит выявить не только сходство, но и различие между письменными и печатными высказываниями, и тогда полученные результаты дополнят концепцию Й. Вахека, который установил, что фундаментальное расхождение двух лингвистических структур проявляется в отношении первой, экспрессивной функции.

В письменных высказываниях экспрессивная функция осуществляется при помощи основных средств, здесь личность автора находит выражение не только в содержании, но и в материальной форме, то есть в индивидуальном почерке. Мы считаем, что назначение каллиграфической нормы состоит в том, чтобы гармонично соотносить манифестацию экспрессивной функции с реализацией функции апеллятивной. Первичные средства печатных высказываний, по мнению Й. Вахека, не способны стать орудием проявления экспрессивности: материальная сторона печатного текста анонимна, здесь индивидуальный почерк заменен единообразным печатным шрифтом, а автор может быть опознан только опосредованно, если его имя выводится из содержания высказывания либо указывается в тексте или на его границах.

Утверждение, что печатный язык в сравнении с письменным характеризуется отсутствием одного признака – экспрессивной функции, представляется нам чрезвычайно важным. Мы не можем принять данный тезис Й. Вахека безоговорочно, так как считаем, что выбор шрифтовой гарнитуры, расположение текста на листе, цветовые решения – всё это (и не только это) служит средством выражения экспрессии. Спорным представляется нам и другой вывод чешского лингвиста: «...печатный язык не имеет качественных отличий по сравнению с языком письменным; различие является скорее количественным»⁵. По нашему мнению, письменный и печатный языки являются разными лингвистическими структурами, и убеждает нас в этом осмысление специфики графической нормы в печатном тексте. Й. Вахек в соответствии со своими взглядами пишет о «воображаемых требованиях каллиграфии». Мы считаем, что каллиграфические нормы – реальность, которая предъявляется метаязыковому сознанию коммуникантов, продуцирующих печатные тексты не только в виде образцов как нормы каллиграфии, но и в форме рекомендаций. Попробуем сформулировать некоторые из них, опираясь на работы А.А. Реформатского⁶ и Б.С. Шварцкопфа⁷.

Прежде всего следует определить, употребление каких средств печатного текста регламентируется каллиграфическими нормами. Б.С. Шварцкопф называет их типографской частью русской пунктуации и указывает, что представлены они двумя разновидностями: 1) графическими приемами шрифтовых выделений; 2) композиционно-пространственными знаками. Легко заметить, что пунктуация здесь трактуется шире, чем в канони-

ческом школьном курсе русского языка. Такое понимание термина идет от А.А. Реформатского, который считал, что знаки препинания являются лишь частью пунктуационной системы, включающей в себя также пробелы, абзацы, приемы расположения текста на плоскости.

Шрифтовые средства, относимые Б.С. Шварцкопфом к первой разновидности типографской части пунктуации, предназначены для выполнения двух функций: они выделяют элементы текста и расчленяют его на содержательные пласты. Показательным в этом плане является графическое оформление интервью, когда текст вопроса журналиста, в отличие от текста реплики интервьюируемого, набирается полужирным шрифтом. Реализация обеих указанных функций осуществляется не за счет употребления дискретных компонентов. При типографской наборе становится возможной актуализация дифференциальных признаков графем: 1) рисунка (прямой шрифт – *курсив*); 2) величины (строчная буква – ПРОПИСНАЯ); 3) пятна⁸ (светлый шрифт – **полужирный**); 4) способа набора (набор сплошь – в р а з р ы д к у). Последнее средство А.А. Реформатский относит к числу композиционно-пространственных, но мы рассматриваем его вместе со шрифтовыми, учитывая, что, подобно последним, оно выполняет в тексте функцию выделения и расчленения. Следует отметить, что список перечисленных приемов может быть дополнен: рисунок, например, иногда изменяют, выбрав **другую гарнитуру**, а величину – использовав **другой кегль**. Описание всех применяемых в подобных случаях средств не входит в задачи нашей работы. Для нас важно только, что сплошной светлый прямой строчной набор (немаркированный член графической оппозиции), соотношенный с основным корпусом печатного русского текста, противопоставляется одному из эквивалентных приемов: набору *курсивом*, ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ, **полужирным**, в р а з р ы д к у и т. д. (маркированный член графической оппозиции).

Композиционно-пространственные знаки – это 1) линейки, которые могут быть концевыми (то есть использоваться в конце разделов книги) и отделяющими сноску от основного текста; 2) звездочки, являющиеся знаком рубрики; 3) строчной ряд отточий или тире. Все они выполняют в печатном тексте функцию отделения, как и примыкающие к ним различные способы пробелов, отбивок и расположения знаков на площади страницы (красная строка, размещение в подбор к тексту и т. п.).

Интересно, что, если шрифтовые средства по каким-то причинам не отличаются многообразием, композиционно-пространственные знаки могут дополнительно осуществлять и выделение. Допустим, нам нужно, имея в распоряжении только один шрифт, передать три последовательных ступени лестницы заголовков: название части, главы и па-

раграфа. А.А. Реформатский предлагает следующий способ решения задачи:

Северная Америка

Географические данные Расположение и границы.....

.....

При таком оформлении первая строка оказывается не только отделенной от других, но и выделенной как наиболее значимая. Последнее наблюдение свидетельствует о том, что графические средства находятся в определенной зависимости друг от друга, их соотносительность для печатного текста имеет принципиальное значение, она не менее важна, чем характер и число этих средств.

Нам представляется, что объяснить подобное положение вещей можно обратившись к некоторым идеям из области системологии. Л.Н. Гумилев⁹ указывает, что все системы делятся на два типа – жесткие и дискретные. В жестких системах все части подогнаны друг к другу, в дискретных – элементы взаимодействуют свободно, легко заменяясь на аналогичные. В практике встречаются любые градации систем описанных типов за исключением крайних, потому что те и другие не жизнеспособны: абсолютно жесткие не могут при поломках восстанавливаться, а абсолютно дискретные не способны противостоять ударам извне. Степень жесткости обусловлена происхождением системы: она тем выше, чем больше в систему привнесено труда человека, и тем ниже, чем больше создание системы инициировано природными процессами. В пределе это противопоставление техносферы и биосферы. Поскольку печатный текст является продуктом индустриального производства, можно утверждать, что он имеет более высокую степень жесткости, чем текст письменный или тем более устный. В центре ортологической регламентации здесь оказывается не обозначающее (то есть графические признаки сами по себе) и не отношения обозначающего с обозначаемым (хотя определенные если не закономерности, то тенденции в этой сфере существуют: строчной прямой светлый шрифт, как уже отмечалось, является по преимуществу текстовым, полужирный – заголовочным, курсив маркирует вспомогательные куски произведения). В печатном тексте нормированию подвергается прежде всего системная соотносительность графических знаков.

Учитывая всё вышеизложенное, каллиграфические нормы можно представить в форме следующих рекомендаций.

1. Все знаки печатного текста для выражения его замкнутости должны иметь какой-то общий графический признак. А.А. Реформатский пишет, что наиболее простым (хотя и не единственным) является проведение принципа единой гарнитуры.

2. Каждому обозначаемому элементу смысла в печатном тексте должно соответствовать только одно обозначающее. Нельзя, допустим, примеры в грамматике давать то курсивом, то разрядкой, то полужирным.

*Глаголы обозначают различные процессы: действие (*он гуляет*), состояние (*о н б о л е е т*) или становление (*он сидеет*)¹⁰.

Графически корректным является такой вариант.

Глаголы обозначают различные процессы: действие (*он гуляет*), состояние (*он болеет*) или становление (*он сидеет*).

С другой стороны, ненормативным нужно признать и обратный случай, когда разнородные образования (скажем, термины и примеры) набраны одинаково.

*К глаголам относятся слова с основным формальным значением *вида*, например *решить* (соверш. вид), *решать* (несоверш. вид).

Соблюдение каллиграфической нормы предполагает следующее графическое решение.

К глаголам относятся слова с основным формальным значением *вида*, например, *решить* (с о в е р ш. в и д), *решать* (н е с о в е р ш. в и д).

Существование указанных предписаний связано с запретом на многозначность, синонимику и омонимику знака в печатном тексте. Здесь, как в жесткой системе, преодолевается закон асимметрии языкового знака, открытый С.О. Карцевским.

3. Элементы содержания, связанные по смыслу и роли в данном контексте, должны иметь общие графические признаки, контрастные элементы – различные. Так, в драматических произведениях имена действующих лиц набираются вразрядку, реплики – прямым светлым шрифтом, ремарки – курсивом.

Д о н Г у а н. Лепорелло. Лепорелло входит.

Шрифтовые выделения разграничивают пласты текста; если графические маркеры отсутствуют, читать пьесу без дополнительных знаков сложно.

*Дон Гуан. Лепорелло. Лепорелло входит.

Из сказанного выводятся два следствия: 1) каждый вводимый в контекст знак должен быть согласован со всей системой. Допустим, имеется рукопись, в которой, кроме основного текста, есть заголовки частей и глав. Текст набирается светлым шрифтом, заголовки – полужирным (названия частей крупнее, названия глав мельче). В результате доработки появилась необходимость ввести новый элемент – название параграфов, подчиненных главам. Этот элемент входит в группу заголовков,

противопоставленных основному тексту, поэтому для его оформления выбирается полужирный шрифт, контрастный по отношению к шрифту текста и схожий со шрифтом других заголовков, но более мелкий, чтобы передать иерархию; 2) вся система должна быть перестроена, если в контекст вводится новый элемент, а знаков в таком же роде, но отличных либо по величине, либо по степени жирности, уже нет. Например, текст набран светлым шрифтом, некоторые слова в нем – полужирным.

Родительный единственного от **конь** будет **коня**, а от **путь** – **пути**.

В корректуре указывается, что в этих словах нужно выделить окончания. Бóльшей черноты знаков в соответствующем шрифте нет. Значит, нужно перестроить всю систему; основной текст оставить прямым светлым, выделенные слова дать курсивом светлым, а окончания в них выделить курсивом полужирным.

Родительный единственного от *конь* будет *коня*, а от *путь* – *пути*.

4. При наборе текста следует учитывать, что шрифтовые признаки не равноценны по силе воздействия. Если не соблюдать это предписание, в печатном тексте может нарушиться соотношение связей и контрастов.

***Дон Гуан.** Лепорелло. *Лепорелло входит.*

В приведенном примере полужирный шрифт, соотношенный с именем действующего лица, производит слишком сильное впечатление, и это разрушает необходимое единство компонентов текста. По мнению А.А. Реформатского, относительная сила воздействия графических признаков на восприятие располагается по отношению к светлому прямому сплошному шрифту в следующем порядке: 1) *курсив*, 2) ПРОПИСНОЙ, 3) **полужирный**; 4) **ВЫСШИХ** кеглей, 5) **иных гарнитур**. Набор в ряд к у, очевидно, располагается в начале этого ряда.

5. Защита смыслового соотношения элементов печатного текста в графических признаках должна быть достаточной. Допустим, в рукописи кроме основного текста встречаются примечания с дополнительными пояснениями, играющие в произведении менее важную роль. Это смысловое соотношение нужно выразить графически. Если в основе дифференциации лежит только один графический признак (скажем, примечания набраны более мелким кеглем), такая защита будет недостаточной.

Таким образом, мы различаем защиты: недостаточную, добавочную, достаточную и избыточную.

Примечание. Термин «защита», а также прилагаемые к этому термину эпитеты взяты из книги А.И. Немцовича «Моя система».

Если соответствующие куски текста графически не разграничены, то есть основной текст и примечания даны одинаково, защита является недостаточной и нуждается в добавочном графическом обеспечении.

*Таким образом, мы различаем защиты: недостаточную, добавочную, достаточную и избыточную.

Примечание. Термин «защита», а также прилагаемые к этому термину эпитеты взяты из книги А.И. Немцовича «Моя система».

При одновременном использовании для дифференциации текстовых фрагментов двух и более графических признаков получаем защиту избыточную.

*Таким образом, мы различаем защиты: недостаточную, добавочную, достаточную и избыточную.

Примечание. Термин «защита», а также прилагаемые к этому термину эпитеты взяты из книги А.И. Немцовича «Моя система».

Недостаточная и избыточная защиты являются одинаково нежелательными: первая делает некоторые смыслы не вполне понятными для читателя, вторая вносит в текст излишнюю пестроту, нарушая единство его выражения.

Употребление терминов «недостаточная защита», «добавочная защита», «избыточная защита», «достаточная защита» в отношении графики подчеркивает момент борьбы в процессе восприятия текста: читая, реципиент активен, поскольку для понимания ему приходится преодолевать формальную сторону произведения, чтобы воспринять активное же содержание: «Активизация графики – вот основная идея теории «защит», при которой диалектически преодолевается противоречие «мертвой буквы», лежащей между живым смыслом и живым читателем»¹. Этот момент встречи активного читателя с активным текстом в процессе коммуникации имел для А.А. Реформатского принципиальное значение.

Значимость выявленных каллитописических норм обусловлена тем, что они обеспечивают существование и эффективное функционирование печатного текста как особого лингвистического феномена, правда, не в равной степени. Так, на наш взгляд, четвертая и пятая нормы являются факультативными: их несоблюдение, конечно, ослабляет графическую выразительность печатного текста, но не разрушает его. Три первые предписания можно считать обязательными, поскольку нарушение этих предписаний приводит к уничтожению или смешению связей между элементами жесткой системы, что губительно для последней.

¹ Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М.: Просвещение, 1976. 288 с.; Ким, И.Е.

Как учить письму в школе (теоретические положения и программа учебного курса) // Естественная письменная русская речь: Исследовательский и образовательный аспекты. Ч. III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах: материалы конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 81–90; Курганов С.Ю. Экспериментальная программа школы диалога культур (I–IV классы). Кемерово: «АЛЕФ» Гуманитарный центр, 1993. 64 с.; Лихачев Д.С. Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической орфографии, попорченной и искаженной врагом церкви Христовой и народа российского, изложенные в трех рассуждениях Дмитрием Лихачевым // Русская речь. 1993. № 1. С. 44–51; Осипов Б.И. Учителю об истории русского письма. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 127 с.

² Термин введен чехословацким учёным Й. Вахеком в работе: Вахек Й. Письменный язык и печатный язык // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 535–543. Правда, как мы отмечаем ниже, Й. Вахек считал «требования каллиграфии» мнимыми.

³ Бюлер К. Теория языка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. В 2 ч. М.: Просвещение, 1965. Ч. II. С. 22–28.

⁴ Вахек Й. Письменный язык и печатный язык // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 538.

⁵ Там же. С. 539.

⁶ Реформатский А.А. Техническая редакция книги. М.: Гизлегпром, 1933. 416 с.

⁷ Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

⁸ Термин А.А. Реформатского.

⁹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. 328 с.

¹⁰ Здесь и далее примеры А.А. Реформатского.

¹¹ Реформатский А.А. Техническая редакция книги. М.: Гизлегпром, 1933. С. 114.

Поступила в редакцию 13 мая 2011 г.